

МАРКСИСТСКОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

процесса оказывались в народнических представлениях разорванными, не связанными друг с другом. Поэтому и реализация революционных целей для идеологов народничества неизбежно становилась гадательной, не вытекающей из «естественного хода вещей». «Будет или не будет осуществлен прогресс в его окончательных задачах — это неизвестно», но «это не касается личности... не должно влиять на ее нравственные стремления»²⁶, — писал П. Л. Лавров. Такая мировоззренческая позиция являлась своеобразным отражением изолированности радикальной интеллигенции от трудящихся масс, результатом неумения нащупать объективные тенденции экономического и политического развития России.

В противовес этому марксизм в России дал научное, объективное, детерминистское понимание действительности. С точки зрения общего настроения широкого круга революционеров оно было равнозначно ощущению *неизбежности* победы, глубочайшей исторической обусловленности успехов освободительного движения. Известное пророчество Н. Г. Чернышевского: «Пусть будет, что будет, а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник!» (Ч., V, 391) — обрело аргументированное, доказательное обоснование. Первые марксистские работы Г. В. Плеханова обратили на себя внимание революционных кружков в России именно спокойным оптимизмом убежденного в своей правоте человека.

Наконец, с укоренением марксизма на российской почве ее освободительное движение окончательно подключалось к мировому революционному процессу. Оно взяло на вооружение самое передовое идейное мировоззрение, выработанное в более развитом европейском обществе и впервые поставившее идеи социализма на научную основу. Тем самым окончательно закреплялись международные связи русских революционеров и само освободительное движение в России конституировалось как органическая составная часть интернациональных освободительных сил.

В целом борьба допролетарских революционеров была ограниченной по своим масштабам и историческим результатам. Но и она сыграла существенную роль в истории страны. Лучшие традиции своих предшественников восприняли пролетарские революционеры. Долгие десятилетия отделяли «посев» от «жатвы», но важно то, что этот «посев» был произведен усилиями ряда поколений, ценой сотен и тысяч жертв.

Такой кардинальный идейный переворот, как зарождение научной революционной теории в России, не мог произойти как одновременный акт. Он был долгим процессом, в котором марксизм утверждался в борьбе со своими буржуазно-либеральными и народническими оппонентами, в полемике различных фракций внутри самой российской социал-демократии, не всегда адекватно воспринимавших глубину Марковского учения. Основные проблемы были связаны с трудностями применения марксистских положений к конкретным российским условиям. На этой почве неизбежно выявились различные решения проблемы идеологами революционного пролетариата. В этом смысле особенно поучительным является сопоставление теоретических концепций Маркса, внимательно следившего за трансформацией России, Плеханова, наконец, Ленина.

Это сопоставление показывает: движение всякой мысли, и особенно общественной, идет одновременно в разных направлениях, на разных уровнях. Поэтому логически более поздний момент определяется иногда хронологически ранее, чем последующий. К решению ведет не одна-единственная дорога, а несколько перекрещивающихся путей. Синхронизировать их, «выпрямить» в «одну линию» всегда составляет трудную задачу для исторического исследования. Тем более она осложняется, когда речь заходит о процессах мысли, совершающихся в не совпадающих между собой теоретических плоскостях. Но именно так обстояло дело с научным поиском Маркса (отчасти Энгельса), с одной стороны, и формированием плехановской концепции русской пролетарской революции — с другой. Ленинская революционная концепция явится своего рода продолжением (на новом уровне) Марковского теоретического поиска. Будучи претворена в жизнь, воплощена в практике классово-борьбы, она резко изменит пути исторического развития России, откроет перед нею (да и перед всем миром) социалистическую перспективу.

Определяющим фактором настойчивого интереса К. Маркса к России, к «русским сюжетам» была, как это ни покажется странным с первого взгляда, не оценка роли царского самодержавия в подавлении революции 1848—1849 гг., не реформаторская деятельность царизма в начале 60-х гг., не даже развитие народнического, и в особенности народолюбческого, движения. Все это сыграло свою роль, иногда довольно важную. Но с точки зрения эволюции Марксовой мысли, формирования в ней нового проблемного поля решающее значение имеют другие факторы, прежде всего противоречия революционного процесса в Западной Европе.

Впервые во весь рост эта проблема встала в дни стремительного вихря французской революции, когда в июньские дни 1848 г. парижский пролетариат потерпел поражение от объединенных сил контрреволюционной буржуазии, запуганных мелких буржуа — крестьян, лавочников, ремесленников и люмпенов. Поражение пролетариата открыло глаза Марксу и Энгельсу на ту жестокую истину, что французский рабочий класс в силу незрелости классовых антагонизмов еще не способен «осуществить свою собственную революцию». Причина заключалась не только в ошибках пролетариата, верившего вплоть до июня в возможность своего освобождения бок о бок с буржуазией, — революционное сознание и обдуманная тактика, уверены Маркс и Энгельс, придут в конце концов в результате накопления политического опыта. Трудность была иная, не субъективного, а объективного свойства: благодаря тому что крупная промышленность не преобразовала радикально всех отношений собственности, борьба французского пролетариата против капитала в это время еще не стала, да и не могла стать общенациональным содержанием революции. Кроме того, поражение пролетариата было обусловлено отсутствием союзников в его борьбе. «Французские рабочие не могли... — писал К. Маркс, — ни на волос затронуть буржуазный строй, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, и не заставил их примкнуть к пролетариату как к своим передовым борцам»¹.

Преграда, о которую разбилась революционная волна во Франции, оказалась, однако, не специфически фран-

цузской. Чем дальше, тем яснее перед умственным взором Маркса и Энгельса вырисовывается картина в высшей степени неравномерного, асинхронного вызревания предпосылок грядущего социального переворота. Парижский пролетариат, выставляющий пока смутные, неосознанные, но по существу социалистические требования, и мелкобуржуазная крестьянская Франция, еще облакающая свою оппозицию буржуазии в форму бонапартистских иллюзий; Франция, в которой противоречия между пролетариатом и его противниками уже вылились в открытую гражданскую войну, и другие европейские государства, где разворачивались революции национально-патриотического, либерального, демократического характера; Западная Европа, завершавшая шаг за шагом буржуазные преобразования, и царская Россия, оплот реакции в Европе, форпост азиатского деспотизма, — в эти «зазоры», «разрывы» протискивалась контрреволюция, обрекая на неудачу все и всякие попытки изменить существующий порядок вещей. Чтобы обеспечить положение, при котором пролетарская революция оказалась бы способной осуществить свои задачи, европейскому обществу предстояло создать неизмеримо более развитые условия, чем те, которые существовали до начала событий 1848—1849 гг.

Каковы, по мнению Маркса и Энгельса, действительные предпосылки успешной европейской социальной революции? Прежде всего союз пролетариата с крестьянством. Как и всякое сельское население, крестьянство в Западной Европе тяжело на подъем, отмечает Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852 г.). Однако перспективы не безнадежны: в середине XIX в. «интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, с капиталом, как это было при Наполеоне, а в непримиримом противоречии с ними»². Поэтому существует реальная возможность превратить это противоречие в революционное движение против существующего строя, а значит, дополнить пролетарскую революцию вторым изданием крестьянской войны. Последующий ход событий показал, однако, Марксу и Энгельсу, насколько трудной является эта задача. Даже подвергаясь беспощадной эксплуатации капиталом, западноевропейское крестьянство в силу своей политической инертности и реакционных предрассудков выступало на протяжении всего XIX века главным стабилизирующим фактором политической жизни буржуазного общества.

«...Во Франции, как и в большинстве континентальных стран, — констатирует Маркс после Парижской коммуны, — существует глубокое противоречие между... промышленным пролетариатом и крестьянством»³.

Одновременно с этим мысль Маркса движется и в другой плоскости «крестьянского вопроса» — уяснения общих условий и фазисов перехода человечества к социализму. «Трудный вопрос заключается для нас в следующем, — писал он Энгельсу 8 октября 1858 г., — на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество продвигает еще восходящее движение?»⁴

Заметим, что этот «трудный вопрос» формулируется Марксом в письме, написанном по получении известий из России о готовящейся там отмене крепостного права.

Восходящее движение капитализма на огромных пространствах Восточной Европы, Азии и Америки — и маленький уголок земного шара, где буржуазное общество развило свойственные ему антагонизмы, где вызревал социалистический переворот. Какую роль сыграют в исторических судьбах человечества сотни миллионов крестьян, населявших обширные пространства Восточной Европы и Азии?

Непосредственно после реформы 1861 г. в России ответить на эти вопросы не представлялось возможным: в частности, тогда еще никто не мог сказать, как конкретно сложится результат реформаторской деятельности русского царизма. Но чем дальше уходило вперед буржуазное развитие страны, тем явственнее становилось назревание глубокого социально-экономического кризиса.

Акцентируя свое внимание на том общем, что роднило Россию с западноевропейскими странами периода первоначального накопления, Маркс и Энгельс вместе с тем внимательно вглядываются в особые черты российского капитализма, обусловленные не столько национальной спецификой его, сколько тем, что этот капитализм складывается в иных общественно-экономических условиях, на ином витке истории человечества, нежели «классическое» буржуазное общество. Российский капитализм для Маркса интересен прежде всего как пример *нового типа экономического развития, которое происходило в условиях, резко отличающихся от аналогичных условий Западной Европы.*

О результатах этих наблюдений можно судить по письму Маркса Н. Ф. Даниельсону от 10 апреля 1879 г. «Железные дороги возникли прежде всего как *соигonnement de l'oeuvre*» (увенчание дела. — *Авт.*) в тех странах, где *современная промышленность достигла наибольшего развития*, — в Англии, Соединенных Штатах, Бельгии, Франции и т. д. — пишет Маркс. — С другой стороны, возникновение сети железных дорог в ведущих странах капитализма поощряло и даже вынуждало государства, в которых капитализм захватывал только незначительный верхний слой общества, к внезапному созданию и расширению их капиталистической *надстройки* в размерах, совершенно не пропорциональных остову общественного здания, где великое дело производства продолжало осуществляться в унаследованных истари формах. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в этих государствах создание железных дорог ускорило социальное и политическое размежевание, подобно тому как в более передовых странах оно ускорило последнюю стадию развития, а следовательно, окончательное преобразование капиталистического производства»⁵.

Эта выдержка вводит нас в самую сердцевину научного поиска Маркса. То, что российский капитализм интенсивно развивался после реформы, обрекая на гибель все прежние экономические уклады, не вызывает сомнений у Маркса. Проблема заключалась для него в другом: как долго удастся этому капитализму, сразу вставшему на крупнопромышленную основу, опирающемуся на современные средства сообщения, на акционерные компании, двигаться вперед, не взрывая, не революционизируя отсталого способа производства в деревне и соответствующих ему социальных отношений. Маркс уверен: «капиталистическая надстройка» не может бесконечно увеличиваться, не подвергая опасности здание в целом. Противоречие «вершин» капитализма его «основанию», обострявшееся по мере успехов буржуазного развития, неизбежно подведет страну к революционной катастрофе.

Стремясь оттенить особую форму русского буржуазного развития, Маркс сравнивал его с капитализмом США. «В Соединенных Штатах, — писал он, — концентрация капитала и постепенная экспроприация народных масс представляют не только орудие, но и естественное порождение (хотя и искусственно ускоренное Гражданской войной) неслыханно быстрого промышленного

развития, прогресса в сельском хозяйстве и т. д.; Россия же напоминает скорее Францию времен Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная надстройка или, вернее, *фасад* общественного здания (имевшего, правда, под собой гораздо более прочный фундамент, чем в России) выглядел насмешкой на фоне застоя большей части производства (сельскохозяйственного) и голода среди производителей»⁶.

Любой капитализм, где бы он ни возник, предопределяет разорение непосредственных производителей («экспроприацию народных масс»). Но это разорение может быть выражением общего социально-экономического прогресса страны на капиталистическом пути, как это было в США, а может быть средством создания капитализма за счет большинства населения исключительно в интересах господствующих классов. Проникавшее в социальные отношения буржуазное содержание не сглаживало в последнем случае противоречия между капиталистической эволюцией страны и отсталыми способами производства в сельском хозяйстве, а, наоборот, обостряло их, добавляя к варварству крепостничества все недостатки новейшего капитализма. Маркс мог бы сказать о России то же самое, что он в свое время говорил о Германии: «...она разделяла *страдания* этого развития, не разделяя его радостей, его частичного удовлетворения»⁷.

Специфику российского развития — назревание крестьянской революции в условиях одновременной закладки основ капиталистической индустрии — увидит и Энгельс. «Так называемое освобождение крестьян, — писал он в 1885 г., — создало настоящую революционную ситуацию, поставив крестьян в такие условия, при которых они не могут ни жить, ни умереть. Быстрое развитие крупной промышленности и свойственных ей средств сообщения, банки и т. п. только обострили это положение. Россия находится накануне своего 1789 года»⁸.

Итак, предпосылкой всесторонней модернизации России могла быть только социальная революция. Но какие силы и как совершат русскую революцию? Какой характер примет предстоящий в России социальный переворот? Какая комбинация классовых сил соответствует революции в России?

На первый взгляд вопрос о характере революции предельно ясен. В России развивался капитализм, и революция неизбежно должна была носить буржуазный ха-

рактир. Даже если в ходе развития событий получат преобладание плебейские элементы города и деревни, они, как это не раз бывало в европейских революциях, своей деятельностью помогут лишь расчистить почву для господства буржуазии — единственного класса русского общества, способного утилизировать результаты революции. Так впоследствии будет рассуждать Плеханов. Маркс и Энгельс, однако, не формулируют своей позиции так категорически. Их подход к российской революции был более гибким и диалектичным.

Здесь мы выходим к важнейшему моменту в теоретической концепции Маркса. Казалось бы, настаивать на неизбежности развития капитализма было естественно и необходимо для Маркса (как материалиста, критика народнического волюнтаризма). И тем не менее он энергично протестует против попытки Н. К. Михайловского превратить его, Маркса, «исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются...»⁹.

Исторический материализм, подчеркивает он в письме в редакцию «Отечественных записок», не универсальная отмычка ко всем проблемам общественного развития, а научная теория, которая, во имя научности, требует серьезного изучения каждой конкретной исторической ситуации и всех объективно возможных при данных условиях путей выхода из нее.

В отношении России Маркс не склонен предаваться оптимизму на манер народников, суливших стране социалистическое будущее. Правда, и он не исключает, что Россия, «развивая свои собственные исторические данные», окажется способной завладеть плодами развития капитализма, не испытав всех мук этого строя, но и не фетишизирует подобной возможности. То, что он считает нужным сказать, оставаясь на научной почве, сводится к следующему: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»¹⁰.

Письмо в «Отечественные записки» является одним из свидетельств той напряженной работы, которая со-

вершалась в эти годы в голове Маркса. Если попытаться кратко сформулировать основные проблемы, с которыми столкнулся Маркс, то можно сказать, что в 70-х — начале 80-х гг. он вплотную подходит к пониманию специфического характера западноевропейских схем исторического развития. Всемирно-исторический процесс явно не ухватывался этими схемами. Примером тому как раз была «русская ситуация», в которой крупная капиталистическая промышленность внедрялась в общественный организм, в других отношениях слабо затронутый историческим движением.

Должна ли Россия — а вопрос касался не только России, а в перспективе и остального неевропейского мира — для превращения в общество с современной экономикой разрушить общинное землевладение? Или же она сможет воспринять достижения буржуазной цивилизации, прежде всего крупное промышленное производство, не превращая бывших общинников в пролетариев и пауперов? Эти вопросы вновь встают перед Марксом в самом начале 80-х гг. XIX в. в связи с письмом к нему Веры Засулич.

«В последнее время, — писала Засулич Марксу, — мы часто слышим мнение, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм, — словом все, что есть наиболее бесспорного, обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя Вашими учениками *par excellence* (по преимуществу. — Авт.) «марксистами». Их самым сильным аргументом часто является: «Так говорит Маркс...». Вы поймете поэтому, гражданин, в какой мере интересуется нас Ваше мнение по этому вопросу и какую большую услугу Вы оказали бы нам, изложив Ваши воззрения на возможные судьбы нашей сельской общины и на теорию о том, что, в силу исторической необходимости, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства»¹¹.

И вот, отвечая Вере Засулич на ее вопрос о будущем русской общины, Маркс снова сводит предмет анализа своего «Капитала» к исследованию капиталистического способа производства, как он сформировался в Западной Европе. Основой возникновения его явилась экспроприация землевладельцев. Радикально она осуществлена только в Англии. Однако все другие страны Западной Европы идут по тому же пути. Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса точно огра-

ничена странами Западной Европы. Никаких доводов ни за жизнеспособность русской общины, ни против нее не черпнуть, основываясь на «Капитале», нельзя; для этого нужны специальные исследования по экономике России. Они-то и убедили Маркса в том, что община является точкой опоры социального возрождения России...»¹². Правда, для того чтобы она могла стать исходным пунктом социального переворота, «нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»¹³.

Благодаря тому что русская община является современной капиталистического производства, «она может, — считает Маркс, — усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии»¹⁴. Теоретическая возможность подобного хода общественной эволюции не вызывает ни малейших сомнений у Маркса.

Вообще, будущее историческое развитие России, по Марксу, не может быть понято *вне и помимо процессов, происходящих в экономической и общественной жизни развитых стран Западной Европы и Северной Америки*. Международные отношения, экономическая взаимосвязь, обмен духовными ценностями, культурой между странами выросли и развились, по его мнению, в такой степени, что стали активно воздействовать на ход событий в каждой отдельной стране, предопределяя возникновение новых возможностей общественного развития.

Так, русская революция, приходит к выводу Маркс, может открыть, если совпадет по времени с пролетарской революцией на Западе, путь некапиталистическому развитию, может стать при благоприятных условиях эпохой поворота России к социализму. При таком обороте событий крестьянская община способна стать точкой опоры социального обновления страны. Правда, существует и другая не менее реальная альтернатива. При сохранении существующего развития господствующие классы могут «создать из более или менее состоятельных крестьян средний сельскохозяйственный класс и превратить бедных земледельцев, т. е. массу их, в простых наемных рабочих, т. е. — обеспечить себя дешевым трудом»¹⁵. В этом случае кризис будет решен в направлении капитализма, крестьянская община погибнет под действием совокупного гнета государства, помещика, ростовщика.

Борьба интересов, происходящая внутри общины, обострится и в конце концов взорвет эту архаическую форму.

Конечно, Маркс и Энгельс понимали, что предстоящий социальный переворот не будет носить непосредственно социалистический характер, они, как мы знаем, не забывали о «современном уровне развития Московии»¹⁶. Однако, уверены основоположники научного социализма, переворот будет чрезвычайно глубоким. За «русским 1789 годом» последует «русский 1793 год», за это ручается острота экономического кризиса, в котором очутилась Россия в пореформенную эпоху, невозможность разрешить его «обычными» буржуазными средствами, т. е. направить страсти «в спокойное парламентское русло». Независимо от того, кто начнет русскую революцию, считают Маркс и Энгельс, крестьяне развернут ее дальше и выведут за пределы первоначального фазиса.

Маркс и Энгельс здесь ставят точку. Они не идут дальше — к выдвиганию конкретных схем, моделей общественного развития. В частности, для Маркса исторический процесс многолинеен. Маркс не гадает, какие социальные и политические фазы предстоит пройти России, прежде чем она придет к социализму. Для этого русская действительность не давала достаточно материала. Научное решение проблемы упиралось здесь не в теорию, а в дальнейшее развитие общественно-политической практики, в грядущий исторический опыт.

Отметим показательный факт. Марксист Г. В. Плеханов, идеи которого были более просты, более элементарны, чем Марксовы прозрения, не придавал никакого значения письму К. Маркса к Вере Засулич. Оно не было предано в свое время гласности, и лишь много лет спустя Д. Б. Рязанов обнаружил его в архиве группы «Освобождение труда». Письмо было опубликовано впервые в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса» в 1924 г. (книга I).

Плеханов о перспективах освобождения России

Доказательство факта эволюции страны по пути капитализма, осмысление роли пролетариата как движущей силы русской революции, соотношение социализма и политической борьбы, критика народничества — вот что составляло круг теоретических интересов Плеханова и его единомышленников в 80-х гг. XIX в. Этот круг

идей наиболее соответствовал непосредственным интересам развития пролетарского социализма в России, прямо отвечал на животрепещущие вопросы русского революционного движения. Богатейший исторический опыт пролетарского движения Западной Европы, его интеллектуальные завоевания сыграли при этом далеко не последнюю роль. Без усвоения основ марксизма русская социал-демократия не сумела бы приступить к научному изучению русской общественно-экономической и политической ситуации и к определению путей революции в России.

С расколом «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел» кризис народничества достигает критической точки, когда внутренние противоречия идеологии выливаются в борьбу революционных фракций. «Ход вещей» пришел в столкновение с «ходом идей». Однако «ход вещей» — это не просто объективное экономическое развитие страны по буржуазному пути, но прежде всего и главным образом революционная практика. Именно она в форме антиномии «социализм — политическая борьба» выявила противоречие народнического социализма потребностям освободительной борьбы в эпоху нарождавшегося в России капитализма. Сама логика борьбы за социальный переворот вывела народников в сферу политики, благодаря которой со всей ясностью выявился основной порок исходной доктрины. То, что раньше выступало как различие точек зрения народнических публицистов, с возникновением народничества превращалось во внутреннее противоречие самого революционного движения. Своим героическим, но безнадежным единоборством с самодержавием «Народная воля» поставила проблему социализма и политической борьбы, так сказать, на лезвие ножа. Русские социалисты оказались перед решающим выбором: либо отказ от поддержки развернувшейся политической борьбы против самодержавия, либо отказ от теории, в которой «политике» не находилось места.

К числу тех, кто остро почувствовал эти противоречия теории и практики народничества и начал напряженно размышлять о путях выхода из тупика, принадлежали кроме Г. В. Плеханова В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов. Все они, активные народники, выходцы из «Черного передела», вынуждены были из-за преследований полиции эмигрировать за границу. «Каждый из нас, — писал впоследствии Плеханов

о первых годах своей эмиграции, — принес из России опыт, приобретенный в течение нескольких лет революционной агитации, и более или менее ясное сознание того, что этот опыт находится в противоречии с теорией бунтарей. Это сознание было особенно мучительно, и каждый из нас испытывал настоятельную потребность привести в порядок свои революционные идеи» (П., XXIV, 178). И чем глубже знакомились бывшие народники с западноевропейским рабочим движением и трудами Маркса и Энгельса, тем очевиднее для них становились утопический характер народнических взглядов и пороки народнической практики.

Речь шла при этом не о простом заимствовании научной теории, а прежде всего о критической проверке накопленного революционного опыта с помощью марксизма. Именно такая проверка позволила первым русским социал-демократам сделать решающий шаг вперед по сравнению с их предшественниками (членами Русской секции I Интернационала, Лавровым, Ткачевым и др.) и воспринять не отдельные фрагменты учения Маркса и Энгельса, а марксизм в целом как единственно научную теорию революционного социализма.

Слабость рабочего движения в России не помешала Плеханову постигнуть значение борьбы пролетариата. Осенью 1881 г. он начинает переводить на русский язык «Манифест Коммунистической партии». По признанию самого Плеханова, эта работа сыграла в формировании его марксистских взглядов выдающуюся роль (П., XXIV, с. 178—179). «Манифест» помог ему найти наконец путь к решению вставших перед русскими революционерами вопросов о соединении социализма с политической борьбой, о решающих силах социального переворота в России, о правильной тактике революционной борьбы.

25 сентября 1883 г. плехановская группа выпустила объявление «Об издании Библиотеки Современного Социализма». В Объявлении говорилось о необходимости полного разрыва со старыми народническими взглядами, а также о том, что бывшие члены «Черного передела» образуют группу «Освобождение труда».

Члены новой группы выдвинули две непосредственные задачи: 1) распространение идей научного социализма посредством перевода на русский язык важнейших сочинений Маркса и Энгельса, публикация оригинальных сочинений; 2) критика ошибочных взглядов народничества и разработка важнейших вопросов русской об-

щественной жизни с точки зрения научного социализма и в соответствии с интересами трудящегося населения страны (П., II, 22—23).

Изложением взглядов новой группы явились работы Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.). В качестве отправного пункта анализа общественной ситуации Плеханов берет политическую борьбу за свержение самодержавия и идею социализма — две идеи, приводившие в движение наиболее передовые слои интеллигенции в России. Требованию политической свободы он придает исчерпывающую последовательность принципа, разъясняя, что успешно бороться с самодержавием одиночки из интеллигенции не в состоянии и только рабочий класс, организовавшийся в политическую партию, способен вести борьбу с шансами на победу. Для рабочего же класса политическая организация его рядов есть как раз то средство, при помощи которого он сможет осуществить и свои классовые интересы, и (одновременно) интересы общественного развития. Под углом зрения развития классовой самостоятельности пролетариата Плеханов рассматривает все вопросы предстоящей русской революции. Он уверен в том, что *«возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России»* (П., II, 349).

Первый русский марксист отдавал себе ясный отчет в том, что организация российского пролетариата в политическую партию — это отнюдь еще не решение «социального вопроса», последнее потребует усилий многих поколений рабочего класса, а также гораздо более высокого уровня капитализма. Но участие рабочих в политической борьбе будет — в этом Плеханов не сомневался ни на минуту — неудержимо толкать их к дальнейшему развитию, поможет преодолеть им сектантство и оставаться всегда на высоте исторических задач. «На этой дороге нас ждут успех и победа; все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию» (П., II, 349), — писал он в работе «Наши разногласия». И как ни отступался и ни отступал от этих позиций сам Плеханов впоследствии, как ни грешил он оппортунизмом, ход событий каждый раз вновь толкал российский рабочий класс и его партию на тот путь борьбы, который Плеханов и его товарищи предначертали для революционного движения в середине 80-х гг.

Непосредственное знакомство с западноевропейским рабочим движением, с идейной борьбой различных течений в социализме существенно облегчало задачу Плеханову и другим пионерам марксизма в России; они указывали, где и как искать ответ на «проклятые вопросы» русского революционного движения. Однако трудности, вставшие перед Плехановым, не следует преуменьшать. Нужно было объяснить посредством социалистической теории особенности экономического положения в России, выработать революционную концепцию и методы борьбы, по существу новые, несмотря на их видимое сходство с опытом освободительного движения в других странах. Нужно было на основе критического анализа определить исходную точку русской социальной революции, доказав, что борьба за политическое освобождение России способна при определенных условиях (политическое воспитание пролетариата) стать прологом социалистической революции. Наконец, предстояло дать четкий и определенный ответ, как ниспровергнуть власть самодержавия. Словом, проблем было много, и надо удивляться не тому, что Плеханов и его соратники не решили их все, а тому, что они все-таки сумели обрисовать позицию, на основе которой можно было двигаться дальше, вырабатывать конкретную политическую программу и тактику.

Плехановская марксистская концепция возникла в ту эпоху, когда самостоятельного рабочего движения в России еще не существовало, когда пути развития русской революции приходилось определять на основе общей исторической теории. В работах «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» картина классовых отношений российского общества рисуется крупными мазками, без проработки отдельных деталей. Такие существенные проблемы, как выяснение роли буржуазии в русской буржуазно-демократической революции, создание партии нового типа, политическое воспитание пролетариата в ходе революционной борьбы, исследование сути аграрного вопроса в России и отношение пролетариата к крестьянским массам, — все эти актуальные для русской революции проблемы оставались в общем и целом в 80-х гг. за пределами теоретических поисков Плеханова. Связь борьбы социалистического пролетариата с судьбами других классов не исследуется в подробностях. В этом недостаток плехановской постановки вопроса о руководящей роли рабочего класса в русском осво-

бодительном движении, вследствие чего она уступит место ленинской идее гегемонии пролетариата.

В «Наших разногласиях» Плеханов не знает, как поведет себя русская буржуазия в предстоящей революции. Он ограничивается констатацией противоречия интересов русской буржуазии и абсолютизма, делая при этом многозначительное замечание насчет того, что буржуазия умеет извлекать пользу «из существующего режима» и «потому не только поддерживает некоторые его стороны, но и целиком стоит за него в известных своих слоях...» (П., II, 203). Однако он не спешит с выводами, не желая по некоторым частным сторонам процесса судить обо всем его направлении. По его мнению, русская буржуазия переживает сейчас (т. е. в 80-х годах XIX в.) «важную метаморфозу: у нее развились легкие, которые требуют уже чистого воздуха политического самоуправления, но в то же время у нее не атрофировались еще и жабры, с помощью которых она продолжает дышать в мутной воде разлагающегося абсолютизма» (П., II, 203).

В своих первых марксистских работах Плеханов еще не ставит вопроса, каким образом сознательный пролетариат сумеет принять участие в буржуазной революции, не таская из печи «каштаны политического освобождения» для буржуазии, — решение этой трудной задачи было впереди. Однако он уверен: в предстоящей революционной борьбе русский рабочий класс должен вести самостоятельную политическую линию. «Наше общество», — пишет он, — лишено такого (как в Западной Европе. — Авт.) влияния на рабочий класс, и социалистам нет ни нужды, ни выгоды создавать его заново. Они должны указать рабочим их собственное, рабочее знамя...» (П., II, 346).

Даже темнота, политическая косность крестьянства — факты, с которыми столкнулось и о которые разбилось революционное народничество, — не пугают Плеханова; он уверен, что промышленные рабочие способны сыграть решающую роль в политическом развитии крестьянства. Не социалистическая интеллигенция сама по себе, а прежде всего сознательный рабочий способен обеспечить влияние революционных идей на народ. Продолжая на новом уровне поиск, начатый народниками, Плеханов писал: «Ни по привычкам мысли, ни по способности к физическому труду наша революционная интеллигенция не имеет ничего общего с крестьянством. Промышленный

рабочий и в этом случае составляет середину между крестьянином и «студентом». Он должен поэтому послужить связующим звеном между ними» (П., II, 351). Интеллигенция должна начать свое революционное слияние с народом не с крестьянства, а с пролетариата, но именно начать, приступая по мере развития и укрепления рабочего движения к систематической революционной работе в крестьянстве.

Таким образом, программа марксистов в России, как ее формулирует Плеханов в 80-х гг., не жертвует деревней в интересах города, не игнорирует роли крестьянства. Она, по мысли Плеханова, «ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения» (П., II, 353). Правда, насколько далеко пойдет русский крестьянин в своей борьбе против существующего строя, насколько расслоилось крестьянство под воздействием развития капитализма, Плеханов еще не знал и знать не мог. К тому же, возражая против народнической идеализации крестьянства, он порой принижал революционные возможности крестьянского движения в России. Впоследствии Плеханов резко недооценил революционные потенции крестьянства, допустил крупные ошибки по аграрному вопросу.

В этом смысле развитая Лениным идея гегемонии пролетариата в русской революции качественно отличалась от плехановской идеи руководящей роли рабочего класса. Ленинский подход, составивший эпоху в развитии марксизма, подразумевал нечто неизмеримо более богатое и конкретное: осмысление борьбы пролетариата с буржуазией как фокуса многочисленных и разнородных конфликтов и социальных войн, имеющих место в стране с незавершенным аграрным антифеодальным переворотом и одновременно заложившей основы капиталистического индустриального производства. Однако то, что сделал Плеханов, не было забыто Лениным: как «снятый» момент оно присутствует в разработанной Лениным научной теории социалистической революции.

Историческое значение поворота, осуществленного Плехановым и группой «Освобождение труда», заключалось прежде всего в том, что в кризисный для русского освободительного движения момент они поставили и разрешили с помощью марксизма объективно назревшие проблемы революционной борьбы. С одной стороны, революционное движение в России получило прочную тео-

ретическую основу в виде марксистской концепции истории и философского мировоззрения, а с другой — коренным образом менялось направление революционной инициативы социалистов. Последняя была поставлена в прямую связь с пробуждением и политической организацией рабочего класса, с творческим освоением богатейшего исторического опыта рабочего движения в Западной Европе.

В конце 1883 г. почти одновременно с группой «Освобождение труда» в самой России образовалась первая марксистская организация. Ее инициаторами были революционные студенты Петрограда во главе с болгариним Димитром Благоевым. В 1885 г. независимо от блгоевцев возникла другая организация — группа П. В. Точисского, объединившая передовых рабочих. Под влиянием Н. Е. Федосеева в конце 1887 — начале 1888 г. складываются марксистские группы в Казани. С 1892 г. началась активная социал-демократическая деятельность В. И. Ленина, создавшего марксистский кружок в Самаре. Социал-демократические кружки и группы появляются и в других районах страны.

Все это свидетельствовало о решающем повороте революционной интеллигенции и передовых рабочих к идеям научного социализма. С этого времени русская пролетарская демократия обретает почву для своего непрерывного развития. Отныне ни перемены в классовых отношениях, ни изменения в политической ситуации, ни постановка новых общественных задач не в состоянии будут нарушить преемственность русского рабочего движения — оно уверенно и твердо становится под знамя марксизма.

В основном спор между народниками и марксистами о судьбах капитализма в России был решен уже в 80—90-х гг. XIX в. Решающей оказалась не одна только сила полемического таланта противоборствующих сторон. Решающее слово в споре сказала жизнь. Уже в «Наших разногласиях» (1885 г.) на основе анализа тенденций развития внутреннего российского рынка, процесса превращения кустарного производства в капиталистическую систему крупного производства и прогрессирующего разложения общины Г. В. Плеханов смог вполне определенно ответить на поставленный в дискуссии вопрос, точнее, заменить один вопрос другим: «Если, после всего сказанного, мы еще раз спросим себя — пройдет ли Россия через школу капитализма, то, не колеблясь, можем от-

ветить новым вопросом — почему же бы ей и не окончить той школы, в которую она уже поступила?» (П., II, 270).

При этом Плеханов считал, что сама школа капитализма для России не будет простым повторением того пути, восхождением по тем же ступеням, по каким довелось ранее идти более развитым странам Европы. «Но мы знаем уже, — подчеркивал Г. В. Плеханов, — и этому учит нас история той же Западной Европы, — что для капитализма труден был только первый шаг, и что его непрерывное движение от «Запада» к Востоку совершается с постоянно возрастающим ускорением. Не только развитие русского капитализма не может быть так же медленно, как было оно, например, в Англии, но и самое существование его не может иметь такой продолжительности, какая выпала на его долю в «западноевропейских странах». Наш капитализм отцветает, не успевши окончательно расцвести, за это ручается нам могучее влияние международных отношений. Но что дело подвигается, тем не менее, к его более или менее полному торжеству — в этом невозможно сомневаться. Ни голословные отрицания уже существующего факта, ни скорбные возгласы по поводу распада старых, «вековых» форм народного общежития — ничто не остановит страны, «ступившей на след естественного закона своего развития». Но это развитие может быть более или менее медленным, роды окажутся более или менее мучительными — в зависимости от комбинации всех общественных и международных отношений данной страны». И вслед за тем Плеханов написал буквально пророческие слова: «Более или менее благоприятный для рабочего класса характер такой комбинации, в свою очередь зависит от поведения людей, понявших смысл предстоящей их стране эволюции» (П., II, 337—338).

Отмечая историческую заслугу Плеханова в деле решения старых и постановки новых вопросов социально-экономического и политического развития России, следует, однако, помнить, что многие ценные наметки, имевшиеся в его работах раннего марксистского периода, не получили развития в его последующих трудах. В частности, мы не найдем в них ни детального изучения особенностей развития капитализма в России, ни анализа сложнейших взаимоотношений России с «западным» миром в эпоху империализма, ни обоснования возможностей ускорения «нашего исторического развития», создаваемых преобразующей деятельностью передовых классов

и их авангардов — «людей, понявших смысл предстоящей их стране эволюции».

Творческая разработка этих проблем связана уже с именем Ленина, причем — таков один из парадоксов развития марксистской мысли в России — разрабатывать эти проблемы Ленину довелось в немалой степени в борьбе с Плехановым, перешедшим после II съезда РСДРП (1903 г.) на сторону меньшевиков — оппортунистического крыла российской социал-демократии.

Ленинская концепция российской революции

Содержание Марковского поиска, о котором мы рассказывали в начале этой главы, все же не было потеряно в историческом процессе развития марксистской мысли. На ином витке развития революционного движения к проблеме своеобразия исторического пути России вышел в начале XX в. Ленин.

Речь шла не о том, чтобы буквально повторить выдвинутые Марксом идеи: в начале XX в. обстановка в мире изменилась настолько, что Марковские наметки относительно русской ситуации и по форме и по существу оказались превзойденными. Однако направление научного поиска Маркса оказалось исторически плодотворным, соответствующим развитию революционной борьбы в России и других странах в XX в.

Анализ Марксом взаимодействия разнотипных элементов исторической эпохи, попытка уяснить пути превращения отдельных обществ (в частности, русского) в звенья общечеловеческого движения в условиях развития крупной промышленности и кризиса капиталистических отношений, рассмотрение проблемы асинхронности вызревания экономических, политических и духовных элементов социального переворота и т. п. — все эти замечательные предвидения Маркса получили очень скоро подтверждение на громадном поле наблюдения. Без них нельзя глубоко понять ряд важнейших ленинских положений, в частности его вывод о том, что «...Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и... стран всего Востока, стран внеевропейских... должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран...»¹⁷.

Далеко не сразу Ленину удалось уяснить себе историческое своеобразие классовой борьбы в России, свя-

занное с незавершенностью аграрного переворота в стране, понять действительный смысл устремлений крестьянства. Природа трудностей была двоякого свойства. Во-первых, пока в России не существовало открытой борьбы классов и партий, пока идейные течения выражали лишь точку зрения передовых представителей этих классов, до тех пор определить реальные устремления либеральной буржуазии, равно как и российского крестьянства, представлялось невозможным. Их положение и объективные задачи определялись в свете теоретического анализа и по необходимости выступали перед марксистами в самом общем виде. Только осмысление событий революции 1905—1907 гг. позволило Ленину сделать решающий шаг — преодолеть уровень анализа ситуации, достигнутый исследованиями Плеханова (и самого Ленина) в конце XIX в., и пойти вперед.

Во-вторых, русская ситуация не поддавалась «расшифровке» на основании «обычных» европейских образцов. Кризис общественно-экономической системы в России заключался отнюдь не в том, что старые и новые противоречия не были преодолены капитализмом вследствие, скажем, сравнительной молодости, длительной задержки на первоначальных ступенях развития, как это рисовалось марксистам в свете изучения истории Западной Европы. Источник общей экономической и культурной отсталости страны коренился в другом — в особенностях развития капитализма «второго эшелона», в невозможности (трудности) для него «завершить» себя в общенациональном масштабе, без глубокой социальной революции. Социальный переворот, назревавший в стране, по своим объективным задачам, по характеру движущих сил оказывается, таким образом, глубже и шире, чем «обычные» буржуазные преобразования. В русской революции присутствовал с самого начала существенный фактор новизны — невозможность освободиться от средневековья, завоевать основные условия прогресса, не затрагивая в той или иной мере первичные (а впоследствии оказалось, что не только их) формы капитализма, не высвобождая новые источники революционной энергии масс.

Уже события первой русской революции внесли принципиально новые моменты в понимание причин и характера аграрного переворота в России. Революция выявила коренное различие интересов либеральной буржуазии и революционно-демократического крестьянства по всем

основным вопросам борьбы. Русские социал-демократы (особенно большевики) и раньше не ожидали многого от оппозиционности либеральной буржуазии, связывая победу народа над царизмом прежде всего с действиями пролетариата. Однако события 1905—1907 гг. продемонстрировали полную неспособность либеральной буржуазии к решительной борьбе с царизмом и «последышами» помещного сословия. На всех этапах революции кадетская буржуазия — культурная, политически просвещенная — торговалась с царской властью исключительно на счет размеров и цены уступок «демократии». Кадеты желали изменения старого режима, но не желали борьбы с ним, боясь революционного свержения самодержавия.

В отличие от либералов политическая активность крестьянской демократии, борющейся за уничтожение помещичьего землевладения, оказалась гораздо большей, чем можно было ранее предположить. Борьба масс показала, что классовый антагонизм крестьянства и помещиков-крепостников оказался неизмеримо глубже, чем можно было предполагать ранее. «Остатки крепостного права казались нам тогда мелкой частностью, — писал Ленин, — капиталистическое хозяйство на надельной и на помещичьей земле — вполне созревшим и окрепшим явлением.

Революция разоблачила эту ошибку. Направление развития, определенное нами, она подтвердила. Марксистский анализ классов русского общества так блестяще подтвержден всем ходом событий вообще и первыми двумя Думами в частности, что немарксистский социализм подорван окончательно. Но остатки крепостничества в деревне оказались гораздо сильнее, чем мы думали, они вызвали общенациональное движение крестьянства, они сделали из этого движения оселок всей буржуазной революции»¹⁸.

Конфликт крестьянства с помещиками выступал при этом не только как противоречие между классами феодального общества, но и как противоречие внутри самой капиталистической системы — между последовательным буржуазным развитием и отсталыми, полукрепостническими формами капиталистической эволюции. Социально-экономическая эволюция России приобретала черты широкого, незадержанного буржуазного развития лишь в той мере, в какой она противостояла «прусскому» аграрно-помещичьему капитализму и опиралась на иную, чем «классическая» буржуазная революция, раскладку

политических сил (союз рабочего класса и крестьянства при нейтрализации буржуазии). Прогресс России, не переставая быть буржуазным по своему экономическому содержанию, переставал быть «буржуазной мерой» (Ленин), он требовал таких форм революционного вмешательства низших классов в жизнь, которые в совокупности шли *далее* приемлемого для либеральной буржуазии. Но тем самым вопрос о перспективах движения громадных масс мелкобуржуазного народа, а вместе с тем вопрос о будущем и судьбе взаимоотношений социалистического авангарда рабочего класса со всем народом вставал теперь, как указывал Ленин, совершенно иначе.

Поскольку преобразования, призванные сокрушить устаревшие крепостнические порядки в экономике страны, в ее политическом строе, выходили за пределы непосредственно буржуазных форм исторического действия, постольку прежде всего от рабочего класса, его политического развития, сознательности, организованности, способности повести за собой революционно-демократические силы объективно зависело развитие социальной революции, а также возможность сделать ее непрерывной вплоть до низвержения господства помещиков и буржуазии. Конечно, дело заключалось не только в субъективном факторе (революционная активность пролетариата и крестьянства). Как ни важен он сам по себе, преобразование не могло бы совершиться, если бы не существовала объективная необходимость радикального пересмотра отношений собственности, в первую очередь поземельной, при невозможности в конечном счете реформистского пути, отстаиваемого буржуазией. Для того чтобы стать свободным мелким собственником на «своей» земле, крестьянин предварительно должен был не только смести дотла крупное помещичье землевладение, разрушить старый политический порядок, и царское самодержавие в первую очередь, но и противостоять в союзе с рабочим классом буржуазии. Общность интересов пролетариата и крестьянства, пусть противоречивая, неустойчивая, обнаруживалась как раз в том пункте, в котором в Западной Европе на протяжении 1848—1871 гг. существовало глубокое расхождение.

Здесь мы подходим к коренному источнику непримиримых разногласий между Лениным и большевиками, с одной стороны, и Плехановым и меньшевиками — с другой (оставляя в стороне несовпадение позиций Плеха-

нова и меньшевиков по ряду вопросов). Он заключался в принципиально разном понимании объективной природы и характера движущих сил социального переворота в России. Для Ленина социалистическая революция в России шире и сложнее, чем «просто» разрешение антагонизма между пролетариатом и буржуазией. Вернее, этот антагонизм являлся своеобразным фокусом разнородных конфликтов и социальных войн (например, между крестьянами и помещиками), идущих при капитализме. Для судеб социализма в стране, шире — исторической эволюции в целом, далеко не безразлично, кто и как осуществляет неотложные социальные преобразования: пролетариат и его партия, ведущие за собой массы мелкобуржуазного народа, или помещики и буржуазия, направляемые либералами. Коренная идея марксизма — рабочий класс может освободить себя, лишь освободив все общество, — оказывалась в устах Плеханова и меньшевиков пустым звуком, поскольку они относили ее только к заключительному этапу освободительной борьбы рабочего класса, когда последний перейдет к «своей», социалистической революции. В ленинской же теории революции она направляла каждый шаг социал-демократии на каждом этапе освободительной борьбы рабочего класса.

Естественно, что учет антикапиталистической потенции революционной демократии не мог совершаться одинаково в революциях 1905—1907 гг. и 1917 г. В годы первой русской революции — это скорее поиски особого места рабочего класса и его авангарда в создании новой, свободной России. Перспектива перехода к более высокой стадии уже осознается Лениным в это время, но она еще не определяет непосредственную политическую тактику социал-демократии, находится как бы на втором плане.

Иное дело в 1917 г., когда общенациональный кризис, порожденный империалистической войной и разрухой, поставил Россию на грань катастрофы, из которой не было другого выхода, кроме свержения буржуазии и шагов к социализму. Именно в это время Ленин сформулирует идею, согласно которой «развязать» путаницу российских аграрных отношений можно «не по частям», а сразу, перерубая главный корень отсталости страны, ее средневекового земельного строя — господство крупного капитала в экономике и политической жизни страны.

Ход событий в феврале — октябре 1917 г. показал, что создать класс полностью свободных (от остатков крепостничества) крестьян не под силу даже победоносной буржуазной революции. Лишь в условиях, когда аграрный переворот стал составной частью пролетарской революции, появилась возможность осуществить наиболее радикальные и неотложные преобразования, стоявшие перед страной.

Надо учитывать и то обстоятельство, что эпоха империализма и в особенности поражение в империалистической войне коренным образом изменили общественно-политическую ситуацию в России. Ходом событий решение аграрного вопроса, как и всех других вопросов демократического развития страны, оказалось связанным с выходом из войны, с революционными мерами против буржуазии.

К началу XX в. и в особенности в годы империалистической войны Россия была уже втянутой в отношения всемирного капитала. Включенность страны в более широкую систему мировых отношений наложила специфическую печать на революционные процессы в ней, ускорив размежевание классовых сил. Не будь войны, страна могла бы прожить годы и даже целые десятилетия без революции против капиталистов. Но экономический и политический кризис, возникший в ходе войны и обусловленный ею, продиктовал неизмеримо более радикальный, чем раньше, характер перемен. «Кризис так глубок, так широко разветвлен, так всемирно-велик, так тесно связан с капиталом, — разъяснял Ленин в 1917 г., — что классовая борьба против капитала неизбежно должна принять форму политического господства пролетариата и полупролетариев. Иначе выхода нет»¹⁹. В условиях грозящей общенациональной катастрофы и угрозы гибели страны потребовались революционные меры, которые в совокупности своей означали разрыв с капитализмом и шаги к социализму. Пути буржуазных реформ, выводящего из кризиса, не было: ни одна из реформ, даже самая радикальная, проведенная *по соглашению* с буржуазией, не могла спасти Россию, вывести ее из хаоса.

В условиях назревания пролетарского переворота поновому встали «старые» вопросы, такой в первую очередь, как аграрный. Ленин пишет, что старая постановка вопроса о народничестве, о крестьянской демократии уже недостаточна в изменившихся условиях. Крестьян-

ская партия — эсеры предали интересы крестьян, порвали с демократией, «они представляют не массу крестьянской бедноты, а меньшинство зажиточных хозяев. Они ведут крестьянство не к союзу с рабочими, а к союзу с капиталистами, т. е. к подчинению им»²⁰. Крестьянская же беднота ищет выхода на пути, который указывает ей пролетариат. Поэтому теперь уже неправильно ограничиваться разоблачением лозунгов «социализации земли», «уравнительного землепользования», «недопущения наемного труда» и т. п. как простой интеллигентской фразы. Война невиданно ускорила обострение противоречий и в сельском хозяйстве, старые формулы наполнились новым содержанием. «Недопущение наемного труда» — это звучало раньше только пустой фразой мелкобуржуазного интеллигента. «Это значит теперь в жизни иное: миллионы крестьянской бедноты в 242-х наказах говорят, что они хотят идти к отмене наемного труда, но не знают, как это сделать... Мы знаем, что это можно сделать только в союзе с рабочими, под их руководством, против капиталистов...»²¹

Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать. Ни один разумный социалист, подчеркнет Ленин в 1917 г., не разоидется с ними из-за этого. «... При господстве пролетариата в центре, при переходе политической власти к пролетариату, — отмечал он, — остальное приложится *само собою*, явится в результате «силы примера», подсказано будет самой практикой»²².

Не только аграрный, но и все другие вопросы демократического развития России (выхода из войны, спасения от разрухи, национальный и др.) оказались в условиях империалистической войны и революционной ситуации 1917 г. связаны с вопросом о власти пролетариата, с экспроприацией собственности крупного капитала. В этом смысле Великая Октябрьская социалистическая революция означала осуществление «примата» интересов подавляющего большинства народа над узкокорыстными интересами буржуазии и помещиков. Одним ударом она подрубала главный корень отсталости страны — не только остатки средневекового земельного строя, но и господство крупного консервативного капитала в экономике, в политической жизни страны. Вырвав крестьянство из-под влияния буржуазии, она обеспечивала себе победу при самых сложных перипетиях истории. Развязать тугие исторические «узлы» оказалось возможным

только на путях пролетарской революционности, на путях разрыва с капитализмом. Собственно говоря, невозможность решить острее проблемы страны на пути буржуазно-помещичьего развития и послужила главной причиной социалистической революции 1917 г. в нашей стране.

Никакой гениальный ум не мог предвидеть в начале века, что прорыв мировой цепи капитализма совершится именно в России (стране «средне-слабого» развития капитализма), а не в развитых западноевропейских странах. В этом смысле ход исторического развития явился до известной степени неожиданным и для Каутского, и для Плеханова, и для Ленина. Но характер «неожиданности» в данном случае совершенно различен. Лишь история могла бы дать ответ, в состоянии ли страна, где еще не созрели в полной мере предпосылки для создания социалистического хозяйства и общества, осуществить победоносную социалистическую революцию. Важно, однако, то, что Ленин сознательно шел навстречу положительному ответу, данному историей, — и концепцией двух путей аграрного развития («прусского» и «американского»), и теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, и открытием закона неравномерности экономического и политического развития при империализме, и обоснованием возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране и т. д. и т. п., — в то время как установки каутскианской «ортодоксии» и формулы меньшевизма в *принципе* исключали саму возможность положительного ответа.

Говорят, возражал Ленин в 1923 г. меньшевистским педантам, что в России не было объективных предпосылок для социалистической революции и что, следовательно, последняя «незаконна» с точки зрения принципиальных положений марксизма. «Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?

Что, если полная безвыходность положения, удесятеренная тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»²³.

Так были развязаны — мыслью и действием — узлы, завязанные предшествующей историей, выработаны ответы на вопросы, мучившие целые поколения российских революционеров допролетарской эпохи. Но «иной путь» к созданию основных посылок цивилизации (сначала завоевание власти, затем закладка недостающих материальных и культурных предпосылок для движения по социалистическому пути) не просто ликвидирует старые проблемы. «Иной переход» требует дальнейшего поиска, он выдвигает и новые проблемы. Одни из них (индустриализация, кооперирование крестьянства, культурная революция) решаются уже в ходе становления социализма, решение других (восхождение к вершинам научно-технического прогресса, качественное совершенствование всех сторон социализма) — еще впереди.